

КУЛЬТУРА ● МЕДИЦИНА

ОН НЕ РОДИЛСЯ С НАГАНОМ В РУКЕ

Труд - 1992 - 59 вер.

Жизнь и судьба Николая Островского

В наши дни переосмысливаются многие казавшиеся прежде незыблемыми литературные репутации. Это коснулось и Николая Островского, десятилетия считавшегося классиком отечественной литературы. И он сам, и его книги оказались сейчас на острие не столько литературных, сколько политических споров. Публикуя эту статью, мы предоставляем место на своих страницах одной из точек зрения на судьбу и творчество Николая Островского. Готовы дать слово и тем, кто не разделяет мнения автора статьи.

Ныне об Островском часто говорится в совершенно непозволительном, неоправданно ироническом тоне. При этом как-то забывается, что речь идет о безнадежно больном и очень молодом человеке, умершем всего лишь 32 лет от роду и жившем в одну из самых чудовищных эпох, которую когда-либо знал мир. Николая Островского, его взгляды, позицию, высказывания оценивают критериями сегодняшнего дня, как будто он умер не 55 лет назад, а в прошлом году. Но самое главное, самое недопустимое — это, на мой взгляд, то, что Островского судят, абсолютно его не зная. Не зная его биографии, его мыслей, не зная, наконец, и полного варианта книги «Как закалялась сталь».

В полном своем объеме она

остается не прочитанной до сих пор. В 30-е годы книга была издана в значительно сокращенном варианте и в полном виде никогда не издавалась, вплоть до сегодняшнего дня. Причем сокращению подверглись не какие-то отдельные страницы, а целые главы. Книга уменьшилась почти на одну треть.

Но то, что делалось с текстом книги, не идет ни в какое сравнение с тем, как официальные органы обходились с эпистолярным наследием Островского. Известно более 700 его писем. До последнего времени напечатано было только 395. Так уж повелось в нашей стране в послеоктябрьский период: во всех сферах жизни есть один главный человек, вождь. В политике это был Сталин. В литературе пролетарским писателем

№ 1 был назван Горький, а Маяковского сделали главным пролетарским поэтом.

В эту элитную «номенклатуру» попал и Николай Островский. Вот и подправлялись материалы, связанные с Островским, так, чтобы его образ соответствовал схеме, выработанной идеологами тридцатых годов.

В юности Николай Островский был увлечен девушкой по имени Люси Беренфус, дочерью офицера, военного врача, между ними была очень романтическая переписка, которая до последнего времени почти не публиковалась. В одном из писем 1922 года восемнадцатилетний Николай Островский сообщал ей о том, что он тоже имел некоторое отношение к гражданской войне и одно время примыкал к красным частям. «Люси, не считайте меня, мой друг, за мальчика, который, сидя, ничего не делает, вздумал разочаровываться и мечтать о воздушных замках и идеальной свободе, равенстве, братстве. Порыв того желания жить своей мечтой бросил меня в армию в 1920 году, но я быстро понял, что душить кого-то — не значит защищать свободу»...

Как видите, Островский не родился с наганом в руке.

Николай Островский был человеком своего времени. Понятия, оценки, мировоззрение тогда были совершенно иными. Чуждость государственной структуры, которая сложилась к середине 30-х годов, удалось осознать только через десятилетия. Во время любых дискуссий этот фактор учитывать необходимо...

В этом же контексте следует рассматривать и роман Николая Островского. Эмоции героев этой книги нам подчас чужды, их взгляды на жизнь кажутся порой неправильными, ошибочными, а для некоторых и человеконенавистническими. Но это нам, а им, поколению 30—40-х годов, так не казалось.

Идеологическая сторона — далеко не единственное достоинство или недостаток этой книги. Она, как никакая другая, передает дух эпохи. По ее героям мы можем судить о психологии молодых людей того периода. Можно отрицательно относиться к 20 — 30-м годам, но нельзя же делать вид, что их совсем не было! Пора,

наверное, отказаться от большевистского подхода, когда красивые всегда хорошие, а белые плохие. Если только переставить акценты, то ничего не изменится... Если бы Николай Островский в своей книге врал, показывал несуществующих героев, разве стала бы книга пользоваться такой популярностью, тем более в очень короткий срок? (Намеренно не хочу дискутировать на тему о социальном заказе, выполненном Островским, об искусственно созданной популярности, а также об авторстве. Чтобы опровергнуть подобные версии, достаточно познакомиться с трехтомным собранием сочинений, выпущенным в 1989—1990 гг. издательством «Молодая гвардия».)

И последнее. Нельзя забывать и о духовной стороне этой книги. Николай Островский был не только коммунистом, но и человеком. Причем человеком неизлечимо, смертельно больным, умершим совсем молодым. В 19 лет у него уже начиналось окостенение суставов, правая нога не сгибалась, в 25 лет он стал абсолютно неподвижен, а в 26 лет ослеп. Только кисти рук сохраняли у него подвижность до конца жизни. Его постоянно мучили очень сильные боли, были поражены печень, почки, был двусторонний туберкулез легких... И в таком состоянии он не только написал книгу «Как

закалялась сталь», которая сделала его знаменитым, но и закончил первую часть романа «Рожденные бурей». В любом случае это колоссальный пример силы человеческого духа, о котором нельзя говорить вскользь, над которым нельзя издеваться. Скольким людям, попавшим в беду, ставшим инвалидами, помог выстоять образ Николая Островского и его литературного героя Павла Корчагина! Особенно в сороковые — пятидесятые годы, после Великой Отечественной войны.

И если говорить о значении книги Островского для сегодняшнего читателя (а читатель этот появится и книга будет читаться, когда идеологическая сторона перестанет быть главным критерием), то оно в первую очередь в этом. Мужество ценится при любых политических режимах. Об этом свидетельствует и экспозиция музея Н. А. Островского, названная «Преодоление». Она посвящена людям, ставшим в силу разных причин инвалидами и тем не менее сумевшим в чем-то себя проявить. Это то главное, что сближает разные поколения и что делает Николая Островского близким нам, людям сегодняшнего дня.

Д. САРАНА,
ученый секретарь Государственного музея Н. А. Островского.